

«Н» еизданные письма М. Цветаевой». С них все началось. Студентом журфака сидел на кухне в квартире школьницы Анны и, пока мои сокурсники что-то отмечали, разгадывал с ней паутину авторской пунктуации поэтессы. Профессор Розенталь о таком на лекциях не говорил. Запрещенную книгу привез из Америки ее отец, сотрудник ООН.

И вот она уже на факультете, следом за старшей сестрой Еленой. Я — четырехэтажная московская шпана <...>. Она — выпускница спецшколы, живущая по правилам литературной классики. Бурный роман. Сразу — отношения преданности. Эпистолярное практикантское лето. Горьковатый запах ее сандалового парфюма. Студенческая свадьба в однокомнатной хрущевке. На башке — картуз с цветком и бутылка «Московской» в авоське с черным хлебом. Так жених забирал невесту. Мидовский дом юмора не понял. Потом — социшета и радость рождения новой жизни. <...>

<...> Шлейф студенческого романа исчезает — настраиваются пунктиры отношений. Супружеских и профессиональных. Моя первая командировка в Рустави от ТВ. Муки первого в жизни рабочего текста. Вечер. Анна прочитала детям из своего детства сказку про стойкого оловянного солдата или из моего — Тавроша. Уложив детей, помогает. <...>

<...> Конечно, семейные скандалы. В основном замес на воспитании. <...> После достаточно бурных вечеров пишу ночами на кухне. <...> Она начинает ревновать к работе. Сама очень хочет писать. В ста метрах от дома — газета «Гудок». Зайди! Возвращается в ужасе. Главный посоветовал начать статью словами «Как живешь, железнодорожник!». Так писать нельзя! И слезы вечерами от паутины серости.

Часто дома гости: кругом театры, консерватория. «Я тоже самостоятельная творческая единица!» Это она — со слезой в голосе, но с улыбкой. Эту переделанную фразу из какой-то журфакской книги помнят все, кто бывал у нас на улице Герцена, но никто не понимал, что это ее будущая авторская морзянка. <...> Ее первая настоящая победа — «взглядовская». Я был орудием ее мира. Мы с Володей Мукосевым вернулись из Минска, где зарабатывали деньги встречами с телезрителями. Дома Анна перед стиркой выворачивает карманы моей куртки. Ты это читал? Красными чернилами, женским почерком — сигнал SOS о республиканском детском гематологическом центре. Это же тебе после твоих чернобыльских командировок! Надо звонить прямо сейчас! Анна настаивает. Через неделю возвращаюсь в Минск. Муторные съемки любительской камерой. <...> Буду уже в другой части страны, когда Андрей Разбаш смонтирует сюжет, который обойдет и всю Европу. За короткое время собраны миллионы. Потом Анна ежегодно будет настаивать на моей «инспекционной» командировке в

Минск, затем в Германию, где уже обучаются наши врачи. Детскую больницу посещает Раиса Максимовна Горбачева. Через несколько лет врачи уже не наши, но гематологический центр — лучший в Восточной Европе. Анна счастлива, что ситуация изменена кардинально. До сюжета более восьмидесяти процентов детей умирали. Через несколько лет примерно столько же живут. Остальные проценты — ремиссия.

<...> Скитаюсь по стране. Оба занимаемся любимой полевой документальной журналистикой. Территории разные. <...> Часто слышу в командировках: «Какой бесстрашный однофамилец работает в «Новой газете». Естественно, рад, что ее понимают. Понимают ее морзянку. Сигналы бедствия.

<...> Еще один год. После очередного путча меня просят приехать к министерству один высокопоставленный чиновник. Министр сам выходит на улицу, отдает мне документы и предупреждает: «Будь осторожнее. Выступал против стрельбы? Все началось». Дома я уговариваю Анну оформить свое американское гражданство, потому что она там родилась. Бурно возражает. Как, впрочем, всегда. Америка ей не очень нравилась после нашей поездки в 91-м. Она соглашается со мной, когда дочь приходит из школы и сообщает, что с ней перестали разговаривать некоторые друзья. <...> Я пытаюсь объяснить детям, что фамилия у них не очень удачная. Не понимают. Наоборот, чуть бравируют. Поймут позже. При первом же контакте с «честными» ментами. Как бы незначай дети скажут маме, а она будет кипеть, как паровоз.

Естественно, я и в страшном сне представить себе не мог, что гражданство тела в гробу станет претензией «патриотов» и миной запуганного действия для суверенов. Хотя книги ее, как когда-то «Неизданные письма М. Цветаевой», известные в цивилизации, но не существующие на прилавках наших магазинов, никакого отношения к ее гражданству, конечно, не имеют. <...>

Все, достаточно. Очко. У нас — 21 год. Я успешно проиграл. Мы расстаемся! Жизнь в условиях постоянного грозового фронта заканчивается. Приглашение на фронт исходило когда-то от меня. Я виноват перед нашими детьми и ее коллегами, что гром и молния теперь наследуются ими. <...>

<...> Ее приглашают в Эйлат на форум, посвященный перемене веков. Наш последний тур. <...> Едем через святые места. Рождество православное. Дождь вифлеемский. Стоим с Анной около храма. Всех оттесняют: москвовские мигалки. Почудилось? Протискиваемся в здание. Нет. Там в креслах посреди храма, как в театре, сидят: Ельцин, Чубайс и Арафат. Перед ними разворачивается служба, как спектакль. Замаливают? Какой-то вселенский бред! Мы в ужасе выходим и слышим сквозь мерзкий мелкий дождь сладкий голос. Плышало? Нет. Выходим на площадь. Еще одно наважде-

Избранная

«Новая газета» подготовила книгу Анны Политковской. Очерки и репортажи, воспоминания самых близких людей.

Книга выйдет в марте. Сегодня — небольшой фрагмент

Jeremy SUTTON-HIBBERT

ние! Он! Из нашей молодости. Как стойкий оловянный солдатик, мокрый Демис Русос мечется по сцене. Перед ним почти пустая площадь. <...> «Good bye, my love, good bye». «Издевается», — шепчет Анна, и нас в темноте окружают эмигранты-зонтики с вопросами о перестройке.

Хотелось поговорить без них и перестройки. Переживать семейную пунктуацию пришлось позднее. <...>

Господи, Боже мой, удостой не чтобы меня утешали, но чтобы я утешал,

не чтобы меня понимали, но чтобы я других понимал,

не чтобы меня любили, но чтобы я других любил, Ибо кто дает — тот получает, Кто забывает себя — тот

обретает, Кто прощает — тот простится, Кто умирает — тот просыпается к вечной жизни.

Часто читаю эту древнюю молитву (по архиепископу Иоанну). Прочитал и утром 7 октября. Хорошо понимаю, что рецептура су-

веренного дерьма в ее адрес уже составлена. Рабы не немые. Кто-то готовится сделать самойловское фото.

<...>... Самостоятельная творческая единица. Цветаевская петля. А вечером вспомнил самодостаточные первые слова молитвы: «...сделай меня орудием мира Твоего». И все. Никаких «чтобы». Вспомнил. Удивился. Фамилия моя, молитву шептал я, а орудием Его ураганного мира сделал ее. Значит, все-таки не напрасно произносил, школьнице...

(Сокращенная версия)